

Тала Тоцка

ДИНА
АРЕЕВА

Я
БУДУ С ТОБОЙ

Тала Тоцка
Дина Ареева
Я буду с тобой
Серия «Талер и Доминика», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67965950
2022

Аннотация

Я не сплю с женщинами, если только не хочу продолжить через час или два. Нику лучше до утра не трогать, и я собираюсь ей это сказать, но мою шею обвивают тонкие руки, а по губам скользят соленые губы.

– Спокойной ночи, Тимур!

Смотрю, как дрожат на белом безупречном лице длинные, бархатистые ресницы, и говорю в темноту.

– Не вздумай привязываться ко мне, Вероника. Ты со мной, пока между нами просто секс. Если замечу что – сразу уедешь. Решай сейчас.

– Я согласна, – звучит из темноты ответ, и мне почему-то от этого тошно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тала Тоцка, Дина Ареева

Я буду с тобой

Глава 1

Доминика

Я поправляю неудобный топ и одергиваю до жути короткую юбку. Мы здесь все так одеты, нас шестеро, и мы – мас-совка для вечернего мероприятия. Сегодня в ночном клубе «Летучий голландец» разыгрывается автомобиль – белый внедорожник «Форд». Красивый, мне нравятся внедорожники, они большие и надежные, как будто уверенные в своем превосходстве. И мужчины мне такие нравятся, точнее, один мужчина...

Я поворачиваю голову, и мне кажется, что подо мной исчезает пол, а сама я зависаю в воздухе – прямо на меня смотрит Тимур. Легкие как закупоривает, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть, а Тимур не сводит с меня глаз. Похоже, он меня узнал, и я холодею от ужаса. Уголок его губ приподнимается, он окидывает меня оценивающим взглядом – с ног до головы, будто на рынке приценивается, и... отворачивается.

Пол снова оказывается под ногами, только качает сильно. Я продолжаю смотреть на Тимура, но он уже потерял ко мне всякий интерес – конечно, я всего лишь одна из шести

девушек, полукругом стоящих возле автомобиля. Девчонки улыбаются и подмигивают посетителям клуба, а я стою как столб – я не умею, как они, так призывно улыбаться и подмигивать.

– Талер, привет! – кричит Тимуру подвыпивший бородач и машет рукой с бокалом. – Ты что, «Майбах» купил?

Тим неохотно кивает и отворачивается, а потом снова смотрит на меня. Мне неуютно под его взглядом, что-то там мелькает совсем нехорошее. Дожидаюсь, пока его вниманием завладевает какой-то мужчина, и сбегая вниз. Мне нужно выпить воды и успокоиться, а то сердце сейчас разорвется.

– Ты куда? – кричит вслед Злата, она у нас за старшую.

– Пить хочу.

Навстречу по коридору идут двое, в них я узнаю спутников Саркиса, которые ужинали вчера с ним в «Мансарде». При виде меня они останавливаются, и мне очень не нравится выражение их лиц.

– Что, детка, сегодня мы с тобой познакомимся поближе? – говорит один, делая ко мне шаг.

– Не быкуй, Тигран, аукциона еще не было, – недовольно одергивает его второй, они окидывают меня жадными взглядами и идут дальше.

Я пью воду из кулера в комнате, где мы переодеваемся, немного прихожу в себя и возвращаюсь назад. Автомобиль стоит на невысоких подмостках, которые здесь играют роль сцены. Занимаю свое место возле Златы и старательно тя-

ну губы в улыбке. Время идет очень медленно, мне кажется, прошло не меньше часа.

Наконец ведущий объявляет аукцион. Вокруг сцены собирается толпа, а я раздумываю – почему аукцион? Автомобиль разыгрывается, а не продается.

– Лот номер один, – объявляет ведущий, – первоначальная цена тысяча долларов, шаг пятьсот долларов.

Почему-то все смотрят на меня, я вижу, как мимо идет Тимур и тоже на меня смотрит. Сердце снова начинает отбивать бешеный ритм, внутри появляется неприятный холодок.

– Злата, – спрашиваю, – а что продают на аукционе? Автомобиль?

Она мерит меня снисходительным взглядом и фыркает:

– Ты откуда свалилась, Вероника? На бейдж свой посмотри. Тебя продают, ты же целка?

Я вижу на бейджике единицу и киваю, проваливаясь в бездонную пропасть, а сама переспрашиваю:

– Как это продают?

– Обычно, – Злата лениво указывает подбородком на азартно выкрикивающих суммы участников аукциона, – вон уже до десятки дошли. За пятнашку уйдешь, мама не горюй! Эй, ты куда?

– В туалет, я сейчас вернусь, – говорю на автомате и выбегаю в коридор.

– Назад, – мне дорогу преграждают два шкафа-охранника.

– Саркис Ваграмович! – вижу знакомое лицо и еле сдерживаюсь, чтобы не закричать. Нельзя. Иначе мне конец. – Почему меня не пускают в туалет?

– Пропустите, – командует недовольно, подходя ближе, и уже ласково мне: – Ты сегодня просто сногшибательная, Вероника. Давай быстрее, не заставляй гостей ждать.

Часом позже

Тимур

– Девку в расход! – командует Упырь, а я отворачиваюсь, чтобы ее не видеть.

У меня железное правило – не вмешиваться в дела моей «расстрельной» команды. Они отлично выполняют работу, за которую я отваливаю немерено денег.

Но у нас уговор – я к ним не лезу. Потому и живой до сих пор.

Девке не повезло, она оказалась случайным свидетелем того, как удачно мои люди перехватили партию стволов и заваляли курьера. Куда ж ее теперь? Прав Упырь, вот только...

– Талер, отдай ее нам, – просит Черный, подходя к девке, а меня вдруг прошибает от того, как он на нее смотрит.

Нет, от того, как смотрит на него она.

Не с ужасом, не с мольбой, а с удивлением. Странная девка, смелая. Или, скорее, борзая.

Ее нельзя оставлять, Упырь правду говорит, хотя...

Окидываю взглядом с ног до головы. Она в короткой

юбочке, лишь прикрывающей белый треугольник трусиков, и в коротком топе, который некрасиво расплющивает грудь. Вдруг захотелось увидеть, какая же она, эта грудь, если снять нахер тот блядский топ и выпустить ее на волю?

На секунду мелькнуло, как она колышется у меня перед глазами, а следом откликается в штанах мой член. Я представляю, как девушка ловит его губами, пока я пристраиваю его между ее круглыми полушариями с темными, крупными сосками, и моя фантазия тут же болезненно отдается в паху.

Сука, где она взялась? С таким невинным и одновременно блядским выражением лица? Как будто она меня насквозь видит и мысли читает. А ведь читает! Длинные ресницы вздрагивают, пухлые губки шевелятся, заставляя шевелиться мой уже твердый как камень член. И где Саркис только таких находит?

– Идем со мной, детка, – Черный протягивает к ней свои липкие руки, которые я мысленно с наслаждением отрываю.

И с таким же наслаждением мысленно погружаюсь членом в ее рот, теплый, влажный, пока она вот так же удивленно смотрит на меня, приоткрыв его, будто сказать что-то хочет.

Удивляйся, сладкая! Черный со стоном корчится, получив под ребро, а я смотрю на девушку. Руками прикрывается, стесняется... Уссаться можно! Саркисова девка – стесняется!

– Вы меня убьете? – смотрит прямо в глаза. Поиграть с ней, что ли...

– Не знаю, – закидываю ногу за ногу, при этом мучительно хочется поправить член. А еще больше хочется, чтобы это сделала она. Ртом. – Я еще не решил.

Упырь прав, лишние глаза ни к чему, не повезло тебе, сладкая, что ты все видела. А сладкая вдруг хлопает глазами и подходит ко мне ближе.

– Не надо, Тимур, – сука, откуда имя мое знает? – пожалуйста. Я отблагодарю.

Я смотрю в ее глаза. Блестят. Соблазняют. Кладут на лопатки. Мгновенно поднимаюсь, оказываюсь напротив, и она вздрагивает.

– Вышли все. Я сказал, нахер пошли!

Толкаю ее к стене, одновременно развожу ногой колени. Смотрит, не мигая. Странная. Непохожая на других эскортниц.

Облизывает припухшие губы, и я вдруг улавливаю отчетливый запах ванили, сладкий, кремовый. И дурею. От кого, Талер, очнись, это же эскорт! Остановите самолет, я выйду...

– И что ты такого можешь сделать, чего я не могу взять сам? – упираюсь руками по обе стороны от нее в стенку.

– Я... Я вам сына рожу, – вдруг говорит без запинки и смотрит мне в глаза, таращась и силясь не моргать.

Все. Блядь, все. Мой внутренний навигатор сломался, и я смотрю на нее как дурак. Это что вообще такое было? Я все правильно услышал, сына? Я что, блядь, царь Салтан?

Рука сама – клянусь, сама! – ложится ей на бедро и ползет

выше, туда, где тот самый треугольник. И мой рот – тоже, блядь, сам! – говорит:

– Хорошо. Давай только сначала я его тебе сделаю.

Она закусывает губу и кивает, подобравшись, а я, совсем потеряв голову, ныряю под юбку и кладу руку на треугольник. Она там мокрая, я даже через ткань чувствую. Головка члена напряглась так, что кажется, сейчас лопнет и брызнет фонтаном. Торопливо отодвигаю ткань и замираю, скользнув туда пальцами.

– Тимур! – вскрикивает, и у меня срывает тормоза от того, как она произносит мое имя. Это просто отрыв башки, когда ее губы вот так двигаются, приоткрывая влажный рот.

Я никогда не целую шлюх, их никто не целует, а эту хочется. Почему-то я постоянно забываю, что это эскортница. Вспоминаю и... забываю.

Делаю движение пальцами по кругу, замираю. Смотрю. И она смотрит. Глаза в глаза, я вглядываюсь в них, они подернуты пеленой, ей хорошо, этой девочке. Почему мне все время хочется назвать ее девочкой?

Еще раз провожу пальцами, и она двигается бедрами мне навстречу. Хорошая, послушная. Я поглаживаю большим пальцем там, где расходятся складки и дурею – у нее кожа как персик, бархатистая, там тоже такая. Раздвигаю складки, нахожу пальцем твердую вершину и начинаю поглаживать.

Ааааа... Кайф какой! Пальцы скользят, рисуя круги, размазывая ее влагу, хочется нырнуть глубже, но я держусь.

Глубже нырнет мой член, а пока я хочу поиграть с этой девочкой, которая пахнет ванильным кремом. Вкусная такая...

– Ну что, скажи, сладкая, любишь, чтобы тебе так делали?

Она вдруг краснеет, сгибает ноги и подается навстречу моей руке, запрокинув голову.

– У меня... так... не выходит, как у вас!

– Детка, я сейчас трахать тебя буду, а ты мне выкаешь!

Стоп, она сказала, что у НЕЕ не выходит? Ее что, так никто не ласкал? Кто ее вообще трахал, какой удод?

Меня пронзает электричеством, будто я уже подключен к местной электростанции. Пальцы то соскальзывают ниже и продолжают изматывать ее круговыми ласками, то возвращаются к клитору. Он твердый, возбужденный, и мне вдруг хочется коснуться его языком.

Я хочу вылизать ее там, да что со мной такое? Я ни одну бабу не хотел на вкус попробовать, а эту хочу. Всю хочу. И я голову даю на отсечение, что там тоже ванильный крем...

Она дрожит, а я представляю, какая она внизу, и член упирается в ширинку, приходится расстегнуть джинсы. Я ритмично двигаю пальцами, хлюпая, ударяя большим пальцем по клитору, а она корчится, выгибаясь в спине, и стонет, не сводя с меня затуманенных глаз.

– Ну кричи же, кричи, – зубами прихватываю изогнутую шею, – я хочу слышать, как ты кончаешь.

Отрываюсь и смотрю на нее. Черные, цвета воронова крыла волосы, разметались. Белая кожа такая гладкая, как будто

она у нее фарфоровая. Губки приоткрыты, глаза распахнуты, на шее венка розовая бьется, пульсирует. И под рукой у меня начинает пульсировать. Что ж ты делаешь со мной, я же сорвусь сейчас в бездну...

Хочу увидеть, как она кончит, и ускоряюсь. Девушка закрывает глаза и складывается вдвое с утробным, хриплым стоном. А я быстро высвобождаю член, приставляю в ее горячему входу и теряю рассудок, одновременно толкаясь бедрами и врываясь языком в рот.

Тормоза отказали окончательно. Я трахаю девушку, которую вижу впервые в жизни, безо всякой защиты и получая такой кайф, который раньше мне и не снился. Остервенело вбиваюсь в обмякшее тело членом и ртом. Да, я целую шлюху. Но мне не противно, наоборот, мне так до одури сладко, что я не сдерживаюсь, начинаю хрипло стонать в ритм своим толчкам.

Не сразу понимаю, что она притихла, и эта тишина никак не связана с очередным оргазмом, она просто вцепилась мне в плечи и громко дышит. К финалу лечу на полной скорости, вжимаюсь до упора, натягивая ее на член так, будто хочу пробить дно.

Кончаю просто феерично, судорожно вдавливаясь, что-то шепчу бессвязно, похоже, у меня неслабо сорвало крышу. Потому что хочется сказать что-то совсем непривычное, ласковое. И чтобы она тоже что-то сказала в ответ.

Вытерла мне ладонью потный лоб, сказала, что я лучшее,

что с ней было. А я ей то же самое скажу. Дебил, да? У меня рот не настроен такое выдавать, максимум, на что я способен – сказать, что такой сладкой е...ли у меня еще ни с кем не было.

Но она молчит, и я чутьем понимаю – что-то не то. Выхожу из нее. И сразу назад хочу, но мне не нравится ее закусенная губа и закрытые глаза.

– Сладкая, – осторожно шепчу на ушко, мысленно охеревая от того, какое оно у нее розовое и аккуратное. Она сама вся такая, будто вылепленная, ничего лишнего. Идеально все.

А потом она открывает глаза, опускает их вниз, и мы вместе смотрим на вымазанный в крови член. Меня накрывает. Продолжаю вдавливать ее в стенку, а сам смотрю то на нее, то на кровь.

– Откуда кровь, сладкая? – едва сдерживаю бешенство. Что за подстава, Саркис совсем рамсы попутал?

– Но вы же сами сказали... ты же сам сказал, – быстро поправила, видимо, выражение лица у меня сейчас не самое приветливое, – что надо его сделать...

И у меня в затуманенных мозгах наступает прозрение. Чуть ли не рычу:

– Ты что, девственница?

– Нет, – она мотает головой, и мы снова вместе смотрим на кровь, – уже нет. Кажется...

Так, отползаем, Талеров. Душ дома. Застегиваю ширинку,

стараясь стереть кровь хотя бы из мыслей.

Руки подрагивают, пока я стаскиваю рубашку, заворачиваю в нее свою бывшую девственницу и осторожно поднимаю на руки.

– Зачем, Тимур, – пытается сопротивляться.

– Тихо, девочка, – обрываю, – правило у меня. Все мое – со мной.

Затихает. А я несую ее к машине. Теперь она определенно моя, хоть я и не решил, плохо это или хорошо.

И да, Талеров. Дно ты сегодня точно пробил.

Глава 2

Тимур

Мы сидим в моем «Майбахе». Ника – ее Вероника зовут – сбивчиво рассказывает, как ее занесло на склады, а я смотрю на нее, и в груди болезненно отдается отголосок забытого и, казалось, давно похороненного чувства.

Они чем-то похожи, даже имена одинаково сокращаются. Ника – Вероника. Ника – Доминика... Не забывается до конца, не отпускает, как бы я себя ни насиловал. Единственный раз в жизни мне хотелось думать о ком-то, кроме себя, и я думал, что у меня получилось.

А ни хера не получилось по итогу, я все равно остался сволочью, предавшей влюбленную в меня девочку, как мне бросила в лицо недавно Инна, ее детдомовская воспитательница.

Я хотел найти Доминику. Зачем? Сам не знаю, зачем. Узнать, что с ней все хорошо, что ни в чем не нуждается. А она исчезла, квартиру продала и растаяла, как утренний туман.

«Ты одной рукой возле себя ее держал, а другой отталкивал. Что ты теперь хочешь, Тимур?» Мать моя, женщина, что ж, я реально такое дерьмо? Похоже, как и то, что на роду мне написано нянчиться с малолетками.

– Тебе хоть восемнадцать есть, сладкая?

Кивает так поспешно, что мне смешно становится. Но в паспорт все равно заглянуть не мешает, а заодно проверить, не врет ли – и про съемную квартиру, и про работу.

Но интуиция подсказывает, что девочка говорит правду. Она никаким боком к эскорту Саркиса, моя сладкая, и у меня в глазах темнеет, когда я представляю, что ее Черный мог забрать.

Слушаю, как она путается и торопится, и неожиданно закрываю ее рот своим, заглушая сбивчивую речь. Что-то мне резко перехотелось разговаривать.

Завожу двигатель и трогаюсь с места, имеется в виду, автомобиль, конечно. Сам я по ходу уже тронулся. Мозгами.

– Вы куда меня теперь отвезете? – она зябко поеживается и ерзает на сиденье, а я кладу ей на колено руку.

– Не ерзай, детка, на мне будешь ерзать, как домой доедем. И мы на «ты».

Она вскидывается, а потом говорит абсолютно бесхитростно:

– А что, этого мало? Еще надо?

Надо, сладкая, ты и не представляешь, сколько раз еще надо. Вообще, чушь это собачья, конечно, никакого сына мне рожать никто не будет, так что привет презервативы до первого похода к гинекологу.

Дожил, блядь, я уже к гинекологу иду!

Въезжаем в ворота, девочка моя вертит головой по сторонам. Наверное, меня сейчас олигархом представляет. Я ни-

чего не говорю, просто наблюдаю, и сам себе признаться не хочу, что мне льстит такое восхищение. Долбаный извращенец.

Выхожу из «Майбаха» и снова беру ее на руки. Снова сопротивляется.

– Спасибо, Тимур, я сама...

Рот я закрываю уже ставшим привычным способом. Есть еще один, но это потом, не все сразу и не при охранниках.

Захожу в спальню и несу ее в ванную. Ставлю на пол и открываю воду, а сам чувствую ее страх, как будто он на меня проецируется.

Упираюсь рукой в стенку, она жмурится и голову в плечи вытягивает. Бойтся меня... Почему-то это бесит. Беру за подбородок.

– Я тебе тут должен кое-что остался, детка. А долги я привык отдавать.

Раздеваюсь, бросаю одежду в угол и только сейчас вижу, с каким ужасом она смотрит на мой член. Да, родная, он только что был в тебе. И ничего, поместился.

От одной мысли, что можно снова погрузиться в нее, он реагирует мгновенно – каменеет и поднимается вверх. Глаза моей девочки округляются, губки приоткрываются.

– Раздевайся, потом насмотришься. Не бойся, не трону, сегодня тебе хватит.

Она, не сводя с меня глаз стягивает топ, и я лишь присвистываю. Все так, как я и предполагал, грудь так и притягива-

ет. Темные ареолы вокруг соска большие, все как я люблю. Все прямо под меня, спецзаказ...

Ловит мой взгляд и, наверное, он совсем голодный, потому что руки взлетают и крест-накрест прикрывают то, что уже стало мое.

– Руки назад, – подхожу ближе, сам развожу их и наклоняюсь к груди. Трогаю языком сосок, облизываю, обвожу по ареоле, а она сжимается. Снова обвожу и всасываю затвердевший сосок, перекаत्याваю во рту, тереблю языком, а она начинает стонать, и все, блядь, я опять плыву.

Нельзя, я должен нас помыть. Осталось объяснить это собственному члену, а я хоть и поехал крышей, но не до такой степени, чтобы с ним разговаривать. Так что просто отключаю мозг и ласкаю сделанную по спецзаказу грудь моей девочки.

* * *

Ника приподнимается на носочки, скрестив длинные ноги, и я вижу, как она ерзает, трет ими, пытаюсь приласкать себя, при этом подставляя мне под губы то одну грудь, то вторую. Снимаю душ и регулирую воду, делаю струю максимально сильной.

Ника цепляется за мои плечи, и я понимаю, что еще немного, и поймею ее прямо здесь. Ничего такого в этом не было б, если бы она еще двадцать минут назад не была дев-

ственницей. А так ее ноги вверху перемазаны высохшей кровью и спермой, и я, хоть и долбаный извращенец, но не садист.

Направляю струю вниз и мою ее, а она с готовностью насаживается мне на руку. Нет, девочка, так не пойдет, я хочу продлить удовольствие.

– Вымой меня, Вероника, – подношу ее руку к дозатору и выдавливаю несколько капель геля. А потом накрываю свой член ее ладонью и едва сдерживаюсь, чтобы не зашипеть как раскаленный брусок, который опустили в воду.

Девочка испуганно отдергивает руку, но я возвращаю ее обратно, глядя в глаза.

– Не бойся его, Ника, привыкай, теперь ты с ним будешь общаться чаще, чем со мной.

Это правда. Я не слишком общителен, зато минет предпочитаю даже когда пью кофе или говорю по телефону. Но судя по ее перепуганному виду, член моя Ника видела только нарисованным на школьной парте, а там далеко не те масштабы. Так что впереди у нас долгие и изнурительные тренировки.

От таких перспектив моя эрекция становится вполне пригодной для огранки алмазов, и девочка тоже это чувствует. Я ловлю губами ее несмелое «Тимур!» и включаю боковую панель. Все, пора завязывать с этими играми, у меня впереди еще выплата долговых обязательств.

Выдавливаю побольше геля на руку и начинаю намыли-

вать ее всю, кайфуя от того, какая нежная под руками кожа. Собственные ладони кажутся наждачкой, приходится водить ими очень осторожно, я увлекаюсь и не сразу понимаю, что Вероника сначала несмело, а потом уже более уверенно вспенивает гель у меня на плечах. Рисует круги на груди, ведет ладошками по рукам, по спине.

Она так старательно меня моет, что даже кончик языка высовывает. Стою, разведя руки в сторону, и молча смотрю, как она смывает гель, а потом целует меня в грудь, слева над соском. Чувствует, что смотрю на нее и поднимает глаза. На миг наши взгляды скрещиваются, и я застываю, даже дыхание перехватывает.

Как можно так на меня смотреть, вот как? Да если бы меня какой-то левый мужик на складе выебал, я бы его, суку, на ленты порезал. А эта смотрит, будто я, блядь, подарок на Новый год.

Захватываю ее за волосы у основания и притягиваю лицом к лицу.

– Ника, если есть, что сказать, говори. Если подослали, скажи сейчас, не трону и отпущу. Потом поздно будет. Не пожалею.

– Ничего, Тимур, – она нисколько не тушуетя, снова встанет на носочки, тянется ко мне, – ты просто мне понравился. Ты красивый и... большой, – уже смелее проводит рукой по члену, и я ведусь, как последний мудака.

Выключаю воду и тянусь за полотенцем. Вытираю ее, а

сам по-прежнему сканирую, но в глазах больше ничего не мелькает, и в помине нет ничего похожего на то выражение, что из меня чуть весь дух не вышибло. Наверное, я и правда становлюсь чересчур подозрительным.

Подхватываю Нику под ягодицы и несу в спальню. Она обвивает меня руками за шею, а ногами за бедра, и меня снова пробивает странное, гнетущее чувство, будто я что-то упускаю. Что-то важное, оно витает в воздухе, буквально пропитывает его, а я как пес, лишенный нюха, ни хера не чувствую...

Но как только бросаю Нику на кровать и раздвигаю ей ноги, мысли разом выветриваются из головы. Она лежит, раскрытая, черные волосы на белом шелке, а там как цветок. Розовая.

Она спохватывается и прикрывается ладонями, хочет свести колени. Отбрасываю руки, снова развожу ноги.

Провожу по щиколотке, потом до колена, потом по бедру. Пальцы скользят, будто плетут узор. Моя девочка раскрыта, колени разведены, руки закинута за голову, губа прикушена. И я опускаюсь вниз. Оттуда смотрю на нее и мне нравится, как она вспыхивает.

Придвигаюсь и целую бархатистые складки, а потом осторожно провожу между ними языком. И она уже стонет. Такая чувствительная девочка. Я знал, что она на вкус тоже сладкая, но не знал, насколько. Вкус ее возбуждения пьянит, я погружаюсь языком глубже, а потом облизываю шелковую

плоть. Толкаюсь глубже – облизываю, глубже – облизываю.

Ника сначала постанывает, цепляется пальцами за простыню и пытается увильнуть. Но я крепко держу за бедра, и она может только двигаться навстречу моему языку.

Теперь она громко стонет, облиывая пересохшие губы, хрипит и вскрикивает, а я нахожу языком клитор и в несколько ритмичных толчков довожу ее до такого оргазма, что она несколько минут бьется в моих руках, сведя ноги и выгнувшись дугой. И пульсирует, пульсирует... Е. ть, как это больно – сдерживаться...

На секунду представляю, как она пульсирует на моем члене, и в глазах реально темнеет. Мне, сука, еще осталось сознание потерять! Нависаю над ней и заглядываю в глаза.

– Вероника, – ловлю губами упавший на лоб локон, – детка, ты еще один раз не потерпишь?..

Она делает выдох, а потом выражение глаз становится осмысленным, Ника протягивает руки и обнимает меня за шею.

– Тимур, – шепчет, – ты только меня целуй все время, хорошо?

– Дурочка, – говорю в губы, – я тебя вообще сейчас съем.

Толкаюсь языком, она тут же всасывает его, и мы начинаем переплетаться, касаясь кончиками, впиваясь в основание. Мы трахаемся языками, и я чувствую, как она подо мной раздвигает ноги, полностью для меня раскрываясь.

В голове начинает гудеть, я примеряюсь бедрами, и мой

член сам находит ее вход. Влажный от моей слюны и от ее желания, теплый, притягивающий. Упираюсь локтями по обе стороны и покачиваюсь, член скользит по шелковой промежности, головка сочится, увлажняя мою девочку еще больше. А потом толкаюсь вперед и улетаю.

– Тимур... – слышу вскрик. Замираю. Я в ней полностью, до основания. Ложусь сверху и просовываю под нее руки. Все, лежи, родная, привыкай ко мне.

– Ммм?

– Тебе... хорошо со мной?

Это звучит так неожиданно, что я даже приподнимаюсь и смотрю на нее. Облизывает пересохшие губы, и я вспоминаю, что обещал.

– Мне охуенно, – говорю и вплетаюсь в ее рот языком. А сам начинаю толчки, сначала короткие, медленные, потом все сильнее, сильнее, а дальше разгоняюсь как невменяемый.

Она постанывает, царапает ногтями спину, плечи. Я чувствую, что уже скоро, и вкладываю ей в рот пальцы, а потом протискиваю руку между нами и нахожу клитор.

– Ну, давай, давай, моя хорошая, – шепчу, кусаю мочку уха и снова завладеваю ее ртом.

Наши языки танцуют друг на друге, я стимулирую клитор и всаживаюсь в узкую, ох...тельную девочку, ударяясь об нее с остервенелым рычанием. Это настоящее сумасшествие, которое не имеет ничего общего с обычным сексом. Это какой-то другой уровень полного улета, я только не знаю

какой.

И когда гладкие, шелковые стенки начинают пульсировать и исходить соками, я ору и кончаю так феерично, что кажется, сперма из меня лупит, как из брандспойта. Она тоже кричит, я накрываю ее рот своим, и мы еще долго дышим друг в друга, будто искусственное дыхание делаем. Я не могу выйти из нее, я бы так и спал в ней, но я тяжелый, сука, а она такая вся-вся девочка... Нежная... Сладкая... Моя...

Я это, оказывается, вслух говорю. И похуй, надо – еще скажу. Ей нравится, она гладит меня по спине – я мокрый, как будто из парилки только. Но в душ мы пойдем завтра, дотягиваюсь до брошенного рядом полотенца, вытираю ее и себя.

Блядь. Помутнение какое-то. Все на свете забыл. Что обещал не трогать больше забыл, про презерватив – забыл, что хотя бы на живот ей можно было кончить – все забыл.

Надо отнести ее в соседнюю спальню. Я не сплю с женщинами, которых трахаю, это если хочу продолжить через час-два, тогда только. Но ее лучше до утра не трогать, и я собираюсь ей это сказать, но мою шею обвивают тонкие руки, а по губам скользят соленые губы.

– Спокойной ночи, Тимур!

Прижимается щекой к моей груди и закрывает глаза. Как щенок, который только что играл, а потом тут же завалился спать. И я сдаюсь. Поудобнее подтягиваю ее к себе и набрасываю простынь. Смотрю, как дрожат на белом безупречном лице длинные, бархатистые ресницы, и говорю в темноту.

– Не вздумай привязываться ко мне, Вероника. Ты со мной, пока между нами просто секс. Если замечу, что – сразу уедешь. Решай сейчас.

– Я согласна, – звучит из темноты ответ, и мне почему-то от этого херово.

Глава 3

Доминика

Я лежу, прижавшись к груди Тимура, и слушаю, как стучит его сердце. Мне кажется, что я сплю и мне снится сон, но только саднящая боль внизу живота напоминает, что никакой это не сон. Туда будто вбили кол, и он до сих пор там – когда Тимур на складе вогнал в меня свой член, казалось, меня насадили на каменный стержень.

Было очень больно, и я еле сдерживалась, чтобы не кричать – боялась, что Тим передумает и отдаст меня этому огромному черному амбалу с липкими руками. Я в самом деле думала, что он меня убьет, но признаться Тиму, что я – это я, не могла.

Мне было стыдно, просто мучительно стыдно, ведь Тим решил, что я одна из тех девушек, которые обслуживали гостей Саркиса. Это потом я уже рассказала, зачем пряталась в его машине, когда он сам спросил. Когда он забрал меня с собой, и я сидела в машине, завернутая в рубашку, пахнущую Тимуром.

Тим спит, его грудная клетка мерно вздымается, а я лежонько, чтобы не разбудить, глажу его выпуклые, твердые мышцы. Я всегда знала, что у него красивое тело, но что оно такое восхитительное на ощупь – не знала. А теперь я могу его гладить и целовать – тоже осторожно, чуть касаясь губа-

ми, – и осознание этого кружит голову, а вместо крови в венах взрываются и лопаются пузырьки шампанского.

Он стал моим мужчиной, первым, а единственным он был для меня всегда. И хоть в первую секунду я думала, что его огромный член разорвет меня изнутри, я все равно была счастлива. Счастлива, что ему хорошо, что он получает со мной удовольствие. Я видела, что это так, особенно когда Тимур достигал пика – его лицо становилось таким, что я бы вытерпела внутри даже настоящий каменный стержень, лишь бы еще раз это увидеть.

Не знаю почему, но мне совсем не было стыдно, когда Тимур начал ласкать меня рукой. Наверное потому, что я уже сотню раз проделывала это с собой сама, своими пальцами, представляя на их месте Тимура. И ощущения, которые я испытывала, трогая себя сама, не имели ничего общего от тех оргазмов, которые уносили меня в космос от прикосновений Тима.

Он может быть очень ласковым. Когда он ласкал меня языком – сначала грудь, потом между ног – я думала, что не выдержу. Тело до самых краев наполняли ощущения, от которых, казалось, вокруг взорвется мир. Откуда-то Тим определил самые чувствительные точки – грудь, мочку уха, шею от позвонков до затылка – и целовал, вылизывал, прикусывал...

И мир взрывался, осыпаясь осколками у наших переплетенных ног.

Я ни капли не жалею, что удержалась и не призналась, кто я. Тим меня не узнал, только поэтому я лежу сейчас с ним и слушаю в тишине его ровное дыхание. Вспоминаю, как он врывался в меня одновременно членом и ртом и чувствую, как снизу снова разгорается огонь.

Я стала женщиной, но дело не только в физиологии. Всю жизнь я была для Тима Талера маленькой девочкой, о которой он хотел заботиться и опекать. Поэтому, когда я выросла, он отказался впускать меня в свою жизнь. Сказал, что мне нет в ней места, и это была правда.

Той маленькой девочке не было места в его спальне. Но я давно взрослая, и скрыв от Тима правду, я теперь лежу в его постели, вспоминаю, как сегодня во мне дважды был его член, как он распирает меня изнутри, и понимаю, что все сделала правильно.

Приподнимаюсь на локте и целую его закрытые глаза, и вдруг Тимур обхватывает меня руками и тянет к себе, что-то бормоча во сне. Мое лицо впечатано в широкую грудную клетку, одной рукой он прижимает меня к себе за плечо, а второй – за бедро. Тим стонет во сне и подминает меня под себя, а я счастливо улыбаюсь.

Может, это меня он видит во сне?

– Ника...

Чувствую ногой его член, он слегка возбужден, и я стараюсь не ерзать, чтобы Тимур не проснулся. Он сказал, что между нами будет только секс, никаких чувств, значит надо

постараться вести себя очень осторожно. Но никто не может запретить мне любить Тима, и лучшее время, когда можно открыто, не прячась любить его – это когда он во мне или когда он спит.

Я лежу, прижатая к кровати тяжелым мужским телом, но мне совсем не хочется из-под него выбираться. Сейчас я чувствую себя защищенной, я в безопасности, и за эти ощущения меня затапливает благодарность к Тимурю. И любовь.

– Я тебя люблю, – шепчу ему тихонько и снова глажу тугие мышцы. Целую попеременно то грудь, то нависающее надо мной плечо. А он будто слышит, еще сильнее прижимает к себе.

Значит, буду жить ночью, потому что это настоящее преступление сейчас вот так взять, и уснуть, зная, что до утра осталось совсем немного, и что рядом лежит первый и единственный мужчина. Который во сне принимает мою любовь и позволяет себя любить. Я приложу все усилия, чтобы Тим ни о чем не догадался, потому что сегодня я узнала, что это такое – быть одним целым с Тимуром Талеровым.

Днем раньше

– Ника, подойди в третий вип, там Саркис Ваграмович приехал поужинать, возьми заказ.

Я поправляю блузку, провожу рукой по безукоризненно затянутым в тугий узел волосам и иду в зал. Саркис Ваграмович – хозяин ресторана «Мансарда», в котором я работаю

уже третий месяц. Я пришла по объявлению на курсы официантов, здесь серьезное заведение, все очень строго, и меня взяли только потому, что я очень стараюсь.

Я получила новые документы, и больше я не Доминика Гордиевская, а Вероника Ланина. Ника. Так я всем представляюсь, потому что боюсь, что не стану отзываться на Веронику. Но за последние месяцы я сделала одно очень ценное открытие – окружающим тебя людям глубоко наплевать, как тебя зовут, где ты живешь и чем ты дышишь. Главное – не создавать им неудобств и не нарушать их зону комфорта. Я эти правила усвоила, и у меня нет никаких проблем с окружающим миром.

Родительскую квартиру я продала, деньги разложила в арендованные ячейки трех разных банков. Это не я такая умная, просто я доверила продажу крупной риэлтерской конторе, у них высокий процент обслуживания, зато гарантия полной безопасности сделки. Как в моем случае, вплоть до сопровождения в банковское учреждение.

Я столько наслушалась историй, как нас, детдомовцев, легко обводят вокруг пальца всякие мошенники, что решила не экономить. И у меня все получилось.

Карту, которую передал мне через Борисовну Тимур, я заблокировала. Она была оформлена на мое имя, но, когда я поняла, что каждый месяц мне туда переводится очень приличная сумма, поспешила ее закрыть. Жаль, что я не могу вернуть Талерову переведенные ранее деньги – в банке

не видно реквизитов отправителя.

Я подаю документы в несколько учебных заведений на заочное отделение, потому что работу бросать не собираюсь. Сегодня я впервые вышла в вечернюю смену и поэтому очень волнуюсь.

Вечерние смены самые хлебные, если днем в «Мансарду» заезжают пообедать бизнесмены из близлежащих офисов, то вечером сюда подтягиваются любители хорошей кухни и дорогой выпивки. Вечерний средний чек втрое, если не впятеро выше дневного, а, соответственно, выше чаевые.

Вхожу в третий вип. Там трое мужчин, но Саркиса я знаю в лицо – как не знать владельца заведения, в котором работаешь? Говорю заученные фразы, дежурно улыбаюсь и замираю.

Мужчины молчат, явно впав в ступор. Начинаю нервничать, хочется пригладить волосы. Может, у меня на блузке пятно? Или юбка перекрутилась? Так только же проверяла! Еле сдерживаюсь, чтобы не спросить, что со мной не так. Повторяю, как попугай:

– Добрый вечер. Вы готовы сделать заказ или вам нужна моя помощь.

– Да, помоги мне детка, – отмирает один, сидящий слева, – мой стояк сейчас снизу пробьет стол.

– Не пугай девушку, – одергивает его Саркис пока я глотаю воздух и спрашивает: – Ты давно здесь работаешь?

У меня все проваливается вниз. Я где-то напортачила, не

успев начать. Видимо, у меня все эмоции написаны на лице, потому что Саркис смягчается:

– Позови Макса, девочка, он нас обслужит, а ты иди в зал. Такая красота не должна по випам прятаться.

Совершенно убитая иду к Максиму. Он, заметно нервничая, направляется в третий вип, а я места себе на нахожу. Лучше бы я оставалась в дневной смене, и дались мне эти деньги...

– Ника, там, короче, ты иди, тебя Саркис зовет. Только смотри... в общем, извини! – он что-то бормочет, но я не понимаю и иду к ужинающему Саркису.

– Вероника, у меня к тебе просьба, – Саркис сидит собранный, сосредоточенный, наклонившись вперед. Два его спутника, наоборот, развалились на диванах. – Ты знаешь, что у меня еще есть ночной клуб? Завтра там будет розыгрыш автомобиля, мне нужны красивые девушки, которые будут привлекать внимание и помогать ведущему. Одна из сотрудниц неожиданно заболела, а ты очень подходишь по параметрам. Выручишь? Я хорошо заплачу. Тысячу долларов.

Что? Тысяча долларов???. Едва сдерживаю истеричный смешок. Он что, серьезно? Готов дать тысячу долларов за то, что я буду там... А что, кстати, надо делать?

– А что надо делать? – озвучиваю свою мысль, и его приятели почему-то неприятно ржут. Но взгляд Саркиса затыкает им рты, и ко мне он поворачивается с исключительно приветливой миной.

– Ничего. Ника, ты просто будешь украшением праздника, как и другие девушки. Деньги я выдам тебе наличкой сразу после окончания розыгрыша. Ты согласна?

Задумываюсь лишь на минуту. Вроде бы ничего такого в его предложении нет, в конце концов, никто насильно удерживать меня там не будет. Если что-то не понравится, сразу развернусь и уйду.

– Я согласна! – говорю. Мужчины победно переглядываются.

– Отлично, – Саркис тоже выглядит довольным. – А теперь иди, сегодня я тебя освобождаю от работы, выпишь хорошенько. Макс вызовет тебе такси. Завтра за тобой приедет водитель, оставь адрес Максy.

Я говорю обычные слова благодарности, но внутри холодеет и скребется нехорошее предчувствие. Не стоило соглашаться на предложение Саркиса, но так заманчиво было получить сразу на руки такую сумму!

Макс мнетя у барной стойки. Я ему нравлюсь, я это знаю, хоть он благополучно женат и счастлив в браке. Он предложил мне отношения, я вежливо отказалась, сославшись на его статус, и он так же вежливо отстал. У нас даже сложилось некоторое подобие дружбы.

Максим вызывает такси, я переодеваюсь и выхожу в холл ресторана. Пришло такси, прощаюсь.

– Прости меня, Ника, – шепчет он на прощание, и я уезжаю в полном недоумении. В чем передо мной провинился

Макс?

Глава 4

Вечер следующего дня. Ночной клуб

Я ослепительно улыбаюсь и бегу. Лихорадочно вспоминаю, есть ли в туалете окно. Должно быть, пусть вверху под потолком, но должно. «Шкафы» идут за мной.

Влетаю в туалет. Есть! Чтобы добраться до него, надо хорошенько постараться, но мы с Сонькой в детстве достаточно налазались по деревьям, чтобы меня остановила гладкая стена. Влезаю на умывальник, подтягиваюсь. Ногти обламываются, ну и фиг с ними. Окно небольшое, горизонтальное, открывается наполовину.

Держусь за створку и повисаю. Что-то треснуло, окно открылось полностью, ну и отлично. Ныряю в узкий проем и слышу, как стучат в дверь туалета. Прыгаю вниз и больно ударяюсь об асфальт – здесь достаточно высоко.

Страх заглушает боль. Они наверняка уже вломились внутрь и увидели, что меня нет. У меня минута, может быть, две. Оглядываюсь и чуть не реву.

Окно туалета выходит на закрытую парковку. Меня все равно поймают, наверняка охране на въезде уже сообщили, и сейчас меня найдут. Внезапная мысль подбрасывает как пружина – здесь должна быть машина Тимура. Как тот бородач сказал, «Майбах»? Помню, как совсем недавно парни-официанты обсуждали модели люксовых автомобилей.

«Майбах» – это «Мерседес», а значок «Мерседеса» я знаю. Набираю в грудь побольше воздуха. Бегу. Несусь вдоль длинных рядов машин. Не то, все не то. Вдруг останавливаюсь, будто от удара, и замираю.

Совершенно роскошный автомобиль. Двухцветный – верх бежевый, низ черный. Салон внутри тоже двухцветный. Из-за широкой радиаторной решетки кажется, что «Майбах» мне улыбается. Да, это может быть только его автомобиль – элегантный, как и его хозяин. Я помню, какой Тимур в костюме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.